

О. Б. Кафанова

ТУРГЕНЕВ И НАТУРАЛИЗМ

Тургенев никогда не писал специально о натурализме ни статей, ни заметок. Он никогда также не рецензировал конкретных произведений Золя, Гонкуров или Доде, считающихся наиболее яркими представителями данного направления. Но благодаря дружбе с Гюставом Флобером, инициатором «обедов пяти», традиция которых была заложена 4 апреля 1874 года, Тургенев часто встречался с Эмилем Золя, Эдмоном де Гонкуром и Альфонсом Доде, а в самые последние годы — с Ги де Мопассаном и беседовал с ними о вопросах творчества.

Судя по всему, сочинения большинства молодых участников «обедов» Тургенев читал выборочно, избирательно. Но при всякой возможности он выступал посредником, устраивая публикацию их сочинений в России. Известно, что на родине он случайно прочел роман Доде «Малыш», который ему понравился и определил последующий интерес к талантливому «южанину».¹ Однако это произведение, так же как и статьи Доде в «Новом времени», не было связано с эстетикой натурализма. Сохранились и доброжелательные отклики Тургенева о романах братьев Гонкур, которые были вызваны желанием помочь одному из них, Эдмону, в финансовых затруднениях. Тургенев считал подобные ситуации унижительными для талантливых художников и всегда старался помочь в исправлении этой несправедливости с помощью публикации их сочинений в России.² Тургенев обменивался любезностями с Эдмоном Гон-

¹ См.: *Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных отношений.* СПб., 2003. С. 142–150.

² См. письмо к Золя от 14 (26) сентября 1875 г.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 14. С. 146, а также примеч. 7 к нему на с. 343.

куром и старался помочь ему в публикации романа «La fille Elisa» в России.³ Но, по-видимому, был плохо знаком с его творчеством.

Ипполит Тэн, заложивший основы эстетики натурализма, также находился в числе корреспондентов Тургенева. Однако предметом их обсуждения был в большей мере роман «Бувар и Пекюше» Флобера или возможности опубликования в России одного из сочинений самого Тэна, первого тома «Les origines de la France contemporaine» под названием «L'Ancien régime». Таким образом, только в переписке с Э. Золя и другими корреспондентами по поводу творчества этого писателя Тургенев вышел к обсуждению собственно натурализма и его основных принципов.

Эмиль Золя был, пожалуй, одним из самых близких Тургеневу французских литераторов после Гюстава Флобера. Сохранилось 58 писем Тургенева к Золя и 34 письма Золя к Тургеневу. Именно они дают нам представление об отношении Тургенева к натурализму, главным признанным мэтром которого стал Золя. С 5 (17) апреля 1874 года начинается довольно интенсивная переписка Тургенева и Золя, сопровождаемая их встречами. В это время Золя работал над своей эпопеей «Les Rougon-Macquart» («Ругон-Маккары»). В 1874 году он закончил четвертый роман серии — «La Conquête de Plassans» («Завоевание Плассана»). Материальное положение писателя было в это время довольно тяжелым.

Тургеневу чрезвычайно импонировала удивительная работоспособность его молодого приятеля, который каждый год выпускал по объемному роману. Неудивительно поэтому, что главным мотивом в первых письмах Тургенева к Золя является забота об улучшении материального положения талантливого литератора. Русский писатель взял на себя активное посредничество в распространении сочинений Золя в России с целью получения гарантированных выплат. Со стороны Тургенева это был очень человечный акт дружеской помощи. Десятки писем содержат подробную информацию о его переговорах с М. М. Стасюлевичем, редактором журнала «Вестник Европы», и даже точные суммы гонораров.

Не жалея сил и времени, Тургенев взвалил на себя это хлопотное дело. Он без устали согласовывал условия, на которых Стасюлевич принимал роман «La faute de l'abbé Mouret» («Проступок аббата Муре»). В письме от 24 сентября (6 октября) 1874 года Тургенев расхваливал

³ См. письмо к М. Е. Салтыкову от 12 (24) ноября 1875 г.: ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 176, а также примеч. 2 к нему на с. 360.

его сюжет: «Роман, сколько я могу судить по содержанию и по первым главам, выйдет превосходный — и не имеющий ничего нецензурного — он, собственно, направлен против безбрачия священников».⁴

Тургенев придумал замечательный ход, предложив Стасюлевичу взять Золя в качестве постоянного парижского обозревателя. В «Вестнике Европы» уже была заведена рубрика «Парижские письма», материалы для которой поставлял Огюст Нефтцер, главный редактор французской газеты «Le Temps». Но Тургенев посоветовал разделить функции двух корреспондентов, потому что Золя, по его мнению, «мог бы обращать внимание преимущественно на литературные, художественные, социальные явления».⁵ Стасюлевич принял это предложение, и между ним и Золя состоялось соглашение. Таким образом, с третьего номера за 1875 год по двенадцатый номер 1880-го в «Вестнике Европы» регулярно печатались «Письма из Парижа» Золя (всего 64).

Однако по мере укрепления дружеских связей между двумя литераторами все более явственным для Тургенева становилось его неприятие натуралистической теории Золя. Поначалу, по-видимому, он не вполне отдавал себе отчет в том, что представляет собой «экспериментальный» роман. Скорее всего, русский писатель начал систематическое знакомство с сочинениями Золя уже в начале 1870-х годов, прямо с первых романов «Ругон-Маккаров».

Из писем к разным корреспондентам — Г. Флоберу, Ю. Шмидту, М. М. Стасюлевичу — проясняется, что поначалу Тургенев ожидал чего-то лучшего и более близкого к собственному пониманию художественной правды от каждого нового произведения Золя. Узнав о сюжете «La faute de l'abbé Mouret», он хвалил и рекомендовал его многим знакомым. Но после окончания романа Тургенев не мог скрыть своего разочарования и попросил П. В. Анненкова высказаться по поводу этого произведения. Сам он признался: «Я его с трудом осилил, хотя таланту пропасть. Вся середина, где прежде всего нужны поэзия да фантазия, очень тяжела. Тут одной реалистической кистью ничего не поделаешь».⁶ Тургенев имел в виду описание любви главных героев, Сержа Муре, католического священника, давшего обет целомудрия и нарушившего его, и Альбины, юной девушки, живущей со своим дядей-вольнодумцем в чудесном саду Параду. Этот сад, название которого происходит от французского «paradis» (рай), и становится местом действия любовной идил-

⁴ Там же. Т. 13. С. 189.

⁵ Там же. Т. 14. С. 9. Письмо от 6 (18) января 1875 г.

⁶ Там же. С. 63.

лии. Тургенев, истинный поэт первого пробуждающегося чувства, не мог принять преднамеренной заданности Золя, который, по его словам, хотел повторить библейскую легенду об Адаме и Еве, а также изобразить борьбу природы и религии.⁷

Новый роман Золя — «*Son Excellence Eugène Rougon*» («Его превосходительство Эжен Ругон») — Тургеневу вновь удается устроить для публикации в России. «Роман обещает быть весьма интересным», — обнадеживает он и себя самого, и Стасюлевича в письме от 2 (14) сентября 1875 года.⁸ Но и это произведение не приносит желаемого удовлетворения. Наконец, М. Е. Салтыков сумел выразить ту оценку, которую Тургенев еще не вполне сформулировал. Это письмо не сохранилось, но, по-видимому, аналогичные суждения выражены в письме Салтыкова к Анненкову от 20 ноября (2 декабря) 1875 года: «Прочитал я на днях „*Manette Salomon*“ Гонкуров, и словно глаза у меня открылись. Возненавидел и Золя и Гонкуров — всех этих дровичил, которые ни до чего додровичиться не могут. Извините, что я так выражаюсь. Диккенс, Рабле и проч. нас прямо ставят лицом к лицу с живыми образами, а эти жалкие дровичили нас психологией потчуют. Трудолюбивы, должно быть, анафемски. Не едят, не пьют — все пишут, и зачеркивают, и нанизывают без конца. Это не романисты, а пакостники. <...> Психология — вещь произвольная; тут, как ни нанизывай — или не донижешь, или перенижешь. И выйдет рыло косое, подрезанное, не человек, а компрачикос».⁹

Дело было в недовольстве Салтыкова натуралистической концепцией человека, которую последовательно воплощали Золя и Гонкуры. В программном предисловии к «Терезе Ракен» Золя писал: «...я поставил перед собой задачу изучить не характеры, а темпераменты. В этом весь смысл книги. Я остановился на индивидуумах, которые всецело подвластны своим нервам и голосу крови, лишены способности свободно проявлять свою волю и каждый поступок которых обусловлен роковой властью их плоти. Тереза и Лоран — животные в облике человека, вот и все».¹⁰ Детерминированность человека его биологической природой, наследственностью, которую провозглашал писатель, приводила к под-

⁷ См.: *Лилеева И.* Проступок аббата Муре <Комментарии> // Золя Э. Собр. соч.: В 26 т. М., 1962. Т. 5. С. 786–788. Далее ссылки на это издание — *Золя*, с указанием номера тома и страницы.

⁸ *ПССиП(2). Письма.* Т. 14. С. 142.

⁹ *Щедрин.* Т. 18. Кн. 2. С. 233–234.

¹⁰ *Золя.* Т. 1. С. 382.

мене психологии физиологией. Именно это и было неприемлемо как для Достоевского, Л. Толстого, так и для Тургенева.

25 ноября (7 декабря) 1875 года Тургенев пишет в ответ Салтыкову: «...прочитав Ваше письмо от 30-го ноября, охотно бы облобызал Вас, <...> — до того все, что Вы говорите о романах Гонкура и Золя, метко и верно. Мне самому все это смутно мерещилось — словно под ложечкой сосало; но только теперь я произнес: а! — и ясно прозрел. И не то чтобы у них не было таланта, особенно у Золя; но идут они не по настоящей дороге — и уж очень сильно сочиняют. Литературой воняет от их литературы: вот что худо».¹¹

Вновь, как и в случае с «Буваром и Пекюше», когда И. Тэн подтолкнул Тургенева своим письмом к пониманию ложности пути Флобера, он долго колеблется, прежде чем вынести даже для себя какой-то приговор.¹² В подобной позиции много доброжелательности, мягкости и терпимости. Начиная с этого романа Золя, Тургенев постоянно проявлял интерес к рецептивной стороне его литературного творчества. В том же письме к Салтыкову он добавляет: «Но, по всему видно, в эту минуту нашей русской публике именно это по вкусу; и, хотя не следует слепо потакать этому вкусу, не следует также забывать, что романы и повести пишутся не для нашего брата — и что нам может оскомину набить то, что для публики свежо, как ранний снег».¹³

В дальнейшем все возрастающий успех произведений Золя во Франции и за рубежом будет постоянно удивлять и озадачивать Тургенева.

Совершенно очевидно, что для Тургенева (как, впрочем, и для других русских писателей) неприемлемым в принципах Золя оказалось «сближение задач и метода художественного познания человека и общества с задачами и методом естественных наук».¹⁴ В том, в чем Золя и его единомышленники видели движение к «правде», объективности, Тургенев усматривал «литературу», то есть вымысел. И в этой позиции проявлялось, с одной стороны, своеобразие его собственного творческого метода, в котором сильно было романтическое начало. С другой стороны, именно концепция человека отличала русский классический

¹¹ ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 187–188.

¹² См.: Кафанова О. Б. Тургенев и Флобер: Творческие дискуссии // Тургенев. НИиМ(2). С. 34–45.

¹³ ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 188.

¹⁴ См. подробнее: Купрянова Е. Н. Национальное своеобразие и мировое значение русского классического реализма // Мировое значение русской литературы XIX века. М., 1987. С. 177–202.

реализм с его верой в неисчерпаемость личности, в ее способность вырваться из жесткого детерминизма, от французского реализма (Бальзак, Флобер, Золя, Мопассан) с его жесткой позитивистской привязанностью к «среде, расе, моменту».

Таким образом, каждый новый роман французского писателя все более углублял разрыв между ним и Тургеневым как художником. Своеобразной кульминацией в осознании Тургеневым эстетического неприятия художественного метода Золя стал его роман «L'Assommoir» («Западня»). Тургенев обсуждал его и с Флобером, и с зарубежными критиками — Л. Пичем, Ю. Шмидтом, и с русскими корреспондентами, прежде чем прийти к окончательному выводу. В начале декабря 1876 года, еще не дочитав роман до конца, Тургенев образно передал свое впечатление Флоберу: «Сунул я нос в „Западню“ и не пришел в восторг (это строго между нами). Очень талантливо — но тяжеловесно — и уж слишком там много копаются в ночных горшках».¹⁵ В ответном письме от 2 (14) декабря 1876 года Флобер не без остроумия замечал: «Как и вы, я прочел несколько отрывков из „Западни“. Они мне не понравились. Золя становится жеманницей *наоборот*. Подобно тому, как Катос и Мадлон верили в существование благородных слов, он верит в существование слов энергических».¹⁶ «Относительно Золя — мы сходимся во мнениях», — заключал Тургенев в письме к Флоберу от 7 (19) декабря 1876 года.¹⁷

Прочитав роман до конца, Тургенев высказал уже гораздо более резкое мнение Людвигу Пичу: «Это совершенно жуткая книга, слово „*merde*“ («дерьмо» — *франц.*) встречается с десятков раз — „*en toutes lettres*“ («буквально» — *франц.*) — но в ней виден большой талант. — Немцам она все же покажется слишком грубой. — Я тоже читал ее со смешанным чувством отвращения и восхищения; отвращение в конце концов одержало верх. — Но она, как говорят французы — „*un signe du temps*“ («знак времени» — *франц.*) и имеет огромный успех».¹⁸

Разумеется, самому Золя о своем восприятии Тургенев не сообщал. Наоборот, он даже написал ему лестные слова о первых главах произведения. Можно ли в этом случае упрекнуть Тургенева в неискренности? Вряд ли: как выясняется из сопоставлений дат, это было первое

¹⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 238–239. Подлинник по-франц.

¹⁶ Цит. по: Там же. С. 543, примеч. 4 к письму 4512.

¹⁷ Там же. С. 249. Подлинник по-франц.

¹⁸ Там же. Т. 15. Кн. 2. С. 35–36. Письмо от 23 января (4 февраля) 1877 г. Подлинник по-нем.

впечатление о начале романа, который публиковался в журнале «La République des Lettres» на протяжении шести месяцев, с 9 июля 1876-го по 7 января н. ст. 1877 года. Это значительный срок, и мнение о романе менялось по мере развития действия произведения. Конечно, деликатность Тургенева не позволяла ему высказать свой окончательный «приговор» молодому автору, но он не прибегал и к намеренной лжи, потому что больше уже с ним лично не заводил речи о романе.

В связи с этим романом у Тургенева возникли размышления о нравственности и безнравственности литературного произведения. В письме к Г. Джеймсу от 16 (28) февраля 1877 года он, по-видимому, полемизирует с какими-то суждениями английского литератора Вильяма Рольстона, сообщенными ему американским корреспондентом. «Рольстон слишком англичанин до мозга костей — чтобы не обладать и моралью англичанина, — замечает Тургенев, — столь же твердой — сколь и узкой. И тем не менее, положи руку на сердце — я не могу обвинить свои сочинения в безнравственности. / „Западня“ тоже не безнравственное произведение — но чертовски грязное. — Несмотря на весь талант, который Золя проявил в ней — эта книга не будет иметь никакого успеха вне Франции. — Если бы я был карикатуристом „Punch“ — я бы позабавился, изобразив королеву Викторию, читающую „Западню“».¹⁹

Это интересное суждение нуждается в комментариях. Выясняется, что не только русские консервативные критики, вроде В. И. Аскоченского,²⁰ но и английские рецензенты упрекали Тургенева в безнравственности. В воспоминаниях о Тургеневе Г. Джеймс отмечал этот парадокс: «Наши англо-саксонские — протестантские, исполненные морализма и условностей — мерки были ему полностью чужды <...>».²¹ Вместе с тем сам Тургенев был далек от ортодоксальности некоторых европейских критиков, обвинявших Золя в безнравственности, когда тот прибегал к изображению неприглядных сторон действительности. Безнравственно любованье автора этими сторонами, а у Золя обстоятельства разрушения личности выписаны с глубокой болью. Золя изображал постепенную деградацию своей героини, прачки Жервезы. В ее падении была виновата не только наследственность, но и социальные обстоятельства, которые человек из народа преодолеть не мог. Объективно французский писатель отошел от своей теоретической установки бес-

¹⁹ Там же. С. 66–67. Подлинник по-франц.

²⁰ См.: Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность) 1830–1860 гг. Томск, 1998. С. 382.

²¹ Цит. по: ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 488, примеч. 7.

пристрастности автора и создал обличительный роман, пафосом которого была апелляция к правительству, которое должно «задуматься над бедственным положением трудового люда и принять необходимые меры». ²² «„Западню“, — писал Золя, — можно резюмировать следующими словами: „Закройте кабаки — откройте школы“». ²³

Но вкус Тургенева, по-видимому, оскорбляли грязные подробности в описании алкоголизма, проституции, пошлости бездуховной жизни. Наконец, роман Золя побудил Тургенева к интересным размышлениям о национальной обусловленности рецептивного восприятия. Через несколько дней после письма к Пичу в постскриптуме к письму Стасюлевичу он вновь констатировал: «„Assommoir“ Золя имеет здесь успех необычайный! — Но это — совершенно непереводаемая вещь. — Кто-то насчитал, что слова „foutre“, „merde“, „pisser“, „fesses“ («пихать», «дерьмо», «мочиться», «ягодицы» — *франц.*) и т. д. — встречаются в этом романе 720 раз! — Но талант громадный». ²⁴

Однако Тургенев проявил неподдельный интерес к театральной инсценировке романа. Пьеса, созданная по мотивам романа двумя драматургами (В. Бюснаком и О. Гастино) при участии самого Золя, утратила то, что в эпическом повествовании раздражало Тургенева. Сценическая версия «Западни» имела успех, который Тургенев объяснял тем, что «выхолощенная надлежащим образом», она приблизилась к мелодраме «старого доброго времени». ²⁵ Эти соображения писатель высказал в письме к Флоберу от 9 (21) января 1879 года. А Золя он попросил достать ему четырехместную ложу на одно из представлений. ²⁶

Следующий роман Золя «Нана», посвященный истории проститутки и нравам публичного дома, уже не особенно возмутил Тургенева. Его оценка только повторяла прежние определения. «Вы, вероятно, уже прочли первые фельетоны „Нана“, — спрашивал он Анненкова, — и уже встретили слова „bordel“ и „emmerder“ («приставать» — *франц.*)? Что будет дальше? А пока журнал „Voltaire“, где печатается „Нана“, продается в числе 400000 экземпляров! Факт поучительный». ²⁷

По мере дальнейшего знакомства с романом недовольство им Тургенева только углублялось. «Кажется, я никогда не читал ничего столь не-

²² Пузиков А. Портреты французских писателей: Жизнь Золя. М., 1981. С. 407.

²³ Золя. Т. 26. С. 513.

²⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 46. Письмо от 28 января (9 февраля) 1877 г.

²⁵ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 12.

²⁶ Там же. С. 9.

²⁷ Там же. С. 142. Письмо от 5 (17) октября 1879 г.

проходимо *скудного*, как „Нана“ (это — между нами), — признавался он в письме к Флоберу. — Какая убийственная пошлость, какое нестерпимое обилие мелочей; нескольких крепких словечек, равно как и немногих крупиц поэзии, явно недостаточно для того, чтобы заглушить отвратительный вкус этого варева. Таково, как будто, и общее мнение». ²⁸ Почти то же суждение Тургенев повторил в письме к Анненкову от 27 октября (8 ноября) 1879 года, на этот раз в контексте сравнения с романом А. Доде «*Les rois en exil*» («Короли в изгнании»). Он замечал, что «Нана» «проваливается торжественно, несмотря на похабность сюжета и множество непечатных выражений»: «Я читаю эту штуку <...> и скуку чувствую необычайную. Вот чего, наверное, друг мой Золя не ожидал!». ²⁹

Эта реакция Тургенева также отличается своеобычностью. Роман, который имел характер скандала и «разошелся во Франции и за границей в количестве 55 тысяч экземпляров — цифра удивительная для французского книгопечатания того времени», ³⁰ вызывал у Тургенева главным образом «скуку». Подобная позиция была далека от брани французских критиков по поводу романа (Ульбах, Шапрон и другие), но отличалась также, например, от восприятия Флобера, на которого книга в целом произвела сильное впечатление. «Это грандиозное произведение, созданное человеком гениальным», — заключил тот. ³¹ Тем не менее Тургенев парадоксальным образом настаивал на том, что «трудно себе представить что-нибудь менее объективное», и называл «Нана» «чертовски тенденциозным» произведением. ³²

Из контекста всех высказываний о романах Золя выясняется, что Тургенев не считал безграничное расширение эстетически дозволенного и введение в литературу новых тем (изображение рынка, труда ремесленников, публичного дома и т. д.) художественным достижением. Наоборот, это казалось ему погружением в мелочи, физиологию, которые искажают правду о человеке. А тенденциозностью, надо полагать, он считал неизбежную биологическую зависимость главной героини Нана, дочери Жервезы, которая наследовала от родителей такие черты, как алкоголизм и развратность, что обусловило ее нравственное падение.

²⁸ Там же. С. 160. Письмо от 25 октября (6 ноября) 1879 г. Подлинник по-франц.

²⁹ Там же. С. 161.

³⁰ *Брахман С.* Нана <Комментарии> // *Золя*. Т. 7. С. 829.

³¹ Цит. по: *ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 505, примеч. 6 к письму 5015.

³² Там же. С. 176. Письмо к Флоберу от 11 (23) ноября 1879 г. Подлинник по-франц.

Роман «Нана» преемственно был связан с «Западной», произведением, отвергнутым Тургеневым за его «грязь». Именно в этой диалогии с очевидностью воплотилась на практике теория натурализма. Одностороннее внимание французского писателя к животному, физиологическому началу в человеке было совершенно неприемлемым для Тургенева. Но, осознав это принципиальное разногласие, он не перестал считать Золя своим другом и любить его за большой талант. Следует заметить также, что Тургенев не дождался появления романа Золя «Жерминаль», в котором наиболее очевидным стало отступление самого автора от провозглашенной им теории.

Опосредованно натуралистический подход к изображению человека отразился и в критике Золя, которую Тургенев очень ценил. Он считал настоящей удачей писателя очерки о Флобере, братьях Гонкур, Доде, — то есть художниках, близких Золя по объективности своего метода. Тургенев несомненно ценил Золя как критика, возможно даже в большей мере, чем художника, тем более что темы для публикаций в «Вестнике Европы» он сам часто подсказывал, обсуждал и корректировал. М. К. Клеман, систематизировавший все «Парижские письма» Золя в «Вестнике Европы», определил несколько основных жанров: «критические статьи, публицистические характеристики, очерки, новеллы и хроники».³³ Больше всего Тургенев помогал в выборе сюжетов для очерков или новелл, чему имеется немало свидетельств.

Например, Тургенев писал Флоберу 15 (27) мая 1877 года о темах для русских корреспонденций Золя: «Что, если он напишет физиологический очерк — о закулисной жизни — парижской журналистики? <...> это может быть весьма любопытно. — Русская публика падка на такие вещи».³⁴ Интересно, что Тургенев употребляет термин, получивший распространение в России 1840-х годов, в период расцвета натуральной школы. Он приветствовал «натуральное», то есть безыскусственное, строго правдивое изображение действительности.

В письме от 9 (21) июня 1877 года он объяснял свой замысел самому Золя: «Что касается темы для статьи на *август*, то мне здесь пришла в голову одна мысль. Если вы не думаете приготовить очерк о *закулисной жизни* парижской *журналистики*, как я писал об этом Флоберу <...> быть может, вы хорошо сделали бы, прислав нам своего рода идиллическое изображение юга Франции, где вы сейчас находитесь, описание

³³ Клеман М. К. Эмиль Золя — сотрудник «Вестника Европы» // Клеман М. К. Эмиль Золя. Сб. ст. Л., 1934. С. 266.

³⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 161. Подлинник по-франц.

образа жизни южан и т. д. и т. д. Как контраст, это произвело бы прекрасное впечатление, и я думаю, что вы бы отлично с этим справились и что это вас бы развлекло».³⁵

Золя точно следовал этим указаниям, написав для «Вестника Европы» статью «Французская печать» и рассказ «Наиса Микулен» из жизни рыбацкого селения на берегу Средиземного моря, который был помещен в журнале с предисловием автора. Большой успех имела и другая подсказанная русским писателем тема: «Брак во Франции и его главные типы». В письме к Золя от 12 (24) января 1876 года Тургенев замечал: «Я только что получил письмо от Стасюлевича, полное восторгов, по поводу вашей статьи о браке. Она имеет бешеный успех в России. Я проявил чутье, направив вас именно в эту сторону».³⁶ Таким образом, темы, требующие специальных подробностей, знания дела «изнутри», опирающиеся на факты, особенно хорошо удавались Золя, и в этом ему помогали провозглашенные им принципы натурализма.

Вместе с тем любопытно, что Тургенев нашел в Золя единомышленника в оценке многих деятелей французской словесности. При этом трезвый взгляд критика-натуралиста, не допускающего преувеличений, приукрашиваний и идеализации, очень импонировал Тургеневу. Сохранились его восторженные и, судя по всему, искренние отзывы о разных «фэльтетонах» Золя, посланных в Россию. Тургеневу понравился рассказ о вступлении А. Дюма-сына во Французскую академию. «Я прочел этот фэльтетон и нахожу его в своем роде *chef-d'œuvre*», — замечал он в письме к Стасюлевичу от 10 (22) февраля 1875 года.³⁷ Доволен Тургенев был и анализом творчества Ж. и Э. Гонкуров. «Золя напечатал в своем русском журнале великолепную статью о Гонкурах, — сообщал он Флоберу 3 (15) октября 1875 года. — Это побудит перевести их романы».³⁸ «Отличной статьей» назвал Тургенев и публикацию Золя о самом Флобере.³⁹

Многие критические статьи Золя действительно отличаются большой пронизательностью, меткостью оценок и едва ли не содержат элементы литературоведческого анализа. Культ факта, который провозглашал Золя, его опора на документы и широкий историко-культурный контекст способствовали выработке очень верных суждений. Так,

³⁵ Там же. С. 176. Подлинник по-франц.

³⁶ Там же. Т. 15. Кн. 1. С. 17. Подлинник по-франц.

³⁷ Там же. Т. 14. С. 28.

³⁸ Там же. С. 156. Подлинник по-франц.

³⁹ Там же. С. 173. Письмо от 10 (22) ноября 1875 г. к М. М. Стасюлевичу.

в статье «Гюстав Флобер как писатель», опубликованной в «Вестнике Европы» в 1875 году (восьмое «Парижское письмо»), он точно подметил важнейшие свойства поэтики писателя: «Первой характерной чертой натуралистического романа, типичным примером которого служит роман Флобера „Госпожа Бовари“, является точное воспроизведение жизни и полное отсутствие всякого романического вымысла. <...> Это — сама жизнь, вправленная в рамку тончайшей ювелирной работы. Всякий вымысел из подобного произведения изгоняется. В нем нет ни детей, отмеченных роком при рождении, которых теряют, чтобы вновь найти при развязке, ни тайников, где хранятся документы, которые обнаруживаются в нужный момент, чтобы спасти угнетенную добродетель. Здесь отсутствует всякая интрига, сколь бы проста она ни была. События романа развертываются день за днем, и писатель повествует о них спокойно, не прибегая ни к каким неожиданностям, сообщая читателю о самых различных жизненных фактах <...>».⁴⁰

Верно обозначив объективность как главное свойство художественного метода Флобера, далее Золя отметил и другое важнейшее свойство его романной поэтики — безгеройность: «Раз романист, изображающий обычное человеческое существование, признает только естественный ход событий, он неизбежно избавляется от всяких героев. Под героями я разумею непомерно раздутые личности, картонных плясунов, превращенных в колоссов».⁴¹

Золя подчеркнул и еще одну важную примету новаторства Флобера — его намеренную позицию авторской беспристрастности: «Флобер подчинил роман методу точного наблюдения, освободил его от ложной напыщенности, превратил в гармоническое произведение, чуждое личных пристрастий, живущее собственной красотой, подобно прекрасному мраморному изваянию».⁴²

Если учесть, что высказанные теоретические постулаты Золя преломлял затем в анализе конкретных произведений Флобера, можно вполне согласиться с Тургеневым, что Золя написал отличную критическую статью.

В то же время Тургенев был солидарен с Золя в развенчании многих кумиров французской публики. Его одобрение получила очень резкая публикация о Дюма-сыне, по поводу которой он заметил: «Она еще немного ухудшит мои отношения с ним, но мне это совершенно безраз-

⁴⁰ Золя. Т. 25. С. 438.

⁴¹ Там же. С. 439.

⁴² Там же. С. 441.

лично».⁴³ Понять эту реплику помогает контекст очерка Золя, который начинался с откровенного неприятия Дюма: «Мне не по душе дарование г-на Дюма. Это крайне поверхностный писатель, стиль у него посредственный, и он во власти нелепых теорий, отрицательно влияющих на его творчество. Полагаю, потомство сурово отнесется к нему. Его вознесли на чересчур высокий пьедестал, и это раздражает людей правдивых и честных».⁴⁴

Основная часть статьи была посвящена пьесе «Данишевы», автором которой изначально был безвестный литератор П. В. Корвин-Круковский, которому Дюма помог переделать и поставить пьесу. Известно, что Тургенев не любил Дюма, «дюмасовщину» и специально приглашал Золя побеседовать об этой пьесе.

Золя для анализа этой пьесы как раз не хватало конкретных знаний и фактов по истории России, без которых он не мог работать, поэтому он и консультировался у Тургенева. Под влиянием своего русского друга Золя справедливо назвал изображение России в ней пошлым, не имеющим ничего общего с реальностью, и противопоставил Дюма самому Тургеневу: «Какая же нужна самоуверенность, чтобы поставить этих злополучных „Данишевых“ после огромного успеха, какой имел во Франции великий романист Иван Тургенев! Все произведения этого писателя переведены, их жадно читают. Благодаря ему мы узнаем подлинную Россию, знакомимся с общественной жизнью, нравами и даже постигаем душу страны. Слово „душа“ здесь вполне уместно, ибо этот строгий реалист, подробно описывающий предметы внешнего мира, умеет передать дыхание и краски самой жизни, — в этом его обаяние. Лично я, читая произведения Тургенева, всякий раз чувствую неповторимый аромат русской культуры и национальной самобытности, словно крепкий пленительный запах цветка, растущего только в этой стране <...>».⁴⁵

Одобрил Тургенев и довольно резкую публикацию о поэтическом сборнике «Légende des siècles» («Легенда веков») В. Гюго. Золя, констатируя «неоспоримую славу» автора «Отверженных» во Франции и в Европе, посчитал нужным сказать неллицеприятную «правду» о его новом произведении, потому что «уважение гения», по его мнению, «не исключает уважения истины».⁴⁶

⁴³ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 92. Письмо от 27 апреля (9 мая) 1876 г. Подлинник по-франц.

⁴⁴ Золя. Т. 25. С. 215.

⁴⁵ Там же. С. 232.

⁴⁶ Там же. С. 630.

Он сообщил, что книга раскупается очень плохо, и объяснил причину ее неуспеха. С одной стороны, издание очень дорогое, с другой — «для рядового читателя „Легенда веков“ — чтение невероятно скучное». ⁴⁷ Автор «строит самые невероятные догмы и путается в дебрях ошеломляющих толкований. Во всем у него преобладает чувство: в политике — чувство, в философии — чувство, в науке — чувство. Его ученики говорят, что он устремляется к вершинам. Что может быть похвальнее? Но вершины — это нечто неопределенное; в наше время гораздо важнее стремиться к истине. <...> Гюго — философ, историк, критик — заставляет недоуменно пожимать плечами». ⁴⁸

Мнение Золя, посягнувшего на признанного мэтра французской словесности, смутило Стасюлевича, который поделился своими сомнениями с Тургеневым. Тот недвусмысленно поддержал Золя. «Что касается до его статьи о В. Гюго, — отвечал он 25 марта (6 апреля) 1877 года, — то знайте, что *все литераторы* здесь — все без исключения, разделяют мнение З<ола> насчет последних двух томов „Легенд“; — но, разумеется, сказать этого не смеют — *pour ne pas attenter à une gloire nationale* (чтобы не посягать на национальную славу — *франц.*) — и, лежа ничком, поют (печатно) хвалебные гимны; — но на словах не стесняются. — Не такой уж он идол у нас — да и нет причин так трепетно благоговеть! — Во всяком случае, шуму статья З<ола> наделает». ⁴⁹ Через неделю в письме к тому же корреспонденту Тургенев только подтвердил свою позицию: «Пробежал я статью Золя: очень резко — и очень справедливо. — Будут кричать — а он *прав*». ⁵⁰

И только статья Золя о Жорж Санд, написанная в связи с ее кончиной, вновь выявила серьезный методологический конфликт между двумя писателями. Тургенев, еще не прочитав текста Золя, понимал, что тот не может верно оценить своеобразие творчества Жорж Санд и его влияние на литературно-общественный процесс. Он откровенно поделился своими сомнениями с Флобером, который на протяжении полутора десятков лет оставался преданным другом Жорж Санд и плакал на ее похоронах: «Золя, кажется, написал длинную статью о г-же Санд в своем русском журнале; статья очень хороша — но, говорят, немного суховата. Золя не в состоянии в полной мере судить о г-же С<анд>. Между ними слишком большое расстояние». ⁵¹ Сам Тургенев собирался написать

⁴⁷ Золя. Т. 25. С. 631.

⁴⁸ Там же. С. 633.

⁴⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 107–108.

⁵⁰ Там же. С. 113. Письмо от 4 (16) апреля 1877 г.

⁵¹ Там же. Кн. 1. С. 137. Письмо от 22 июня (4 июля) 1876 г. Подлинник по-франц.

статью о Ж. Санд в «Вестник Европы», однако этот замысел не был осуществлен.⁵² Объясняя задержку с исполнением обещания, Тургенев писал Стасюлевичу: «Написать <...> что-нибудь дрянное о Ж. Занд я не могу. Даю Вам честное слово — что до зимы вы будете иметь серьезную статью о ней — быть может, даже в виде возражения Золя <...>».⁵³

Многое в очерке Золя было неверным, особенно по поводу влияния Жорж Санд на русскую литературу, культуру и самого Тургенева. Но более всего был неприемлем финал очерка: «Жорж Санд представляет отжившие свой век принципы, только и всего. Против нее наука, против нее весь дух современности <...>».⁵⁴ Эти утверждения Золя вызвали оппозицию многих русских критиков и журналистов. Отношение к Жорж Санд вновь высветило ту полемику, которая была связана с творческим методом. И то, что французский теоретик натурализма считал недостатком, для Тургенева было достоинством. «Всю свою жизнь Жорж Санд стремилась быть целителем, тружеником прогресса, апостолом новой, блаженной жизни», — сокрушался Золя.⁵⁵ Тургенев те же самые качества Санд-художника назвал своего рода святостью в своей небольшой некрологической статье «Несколько слов о Жорж Санд».⁵⁶

Принципиально разное понимание художественной правды, в которой для Тургенева, как и для Жорж Санд, всегда присутствовал идеал, — это то, что разделяло его с Золя. Вместе с тем именно отношение к идеалу отделяло реализм от натурализма и русскую классическую традицию — от французской литературы, основанной в большой мере на позициях позитивизма.

Наконец, последний вопрос, который возникает в связи с отношением Тургенева к натурализму: не повлияло ли как-то общение с Золя и его единомышленниками на появление натуралистических тем в творчестве русского писателя? Последний роман писателя — «Новь» — создавался в новую историческую эпоху «хождения» интеллигенции «в народ», когда действительно возникала потребность осмыслить потребности этого

⁵² В письме от 7 (19) июня 1876 г. к Стасюлевичу Тургенев сообщал: «Вы можете быть покойны: до 15-го числа Вы получите статью о Ж. Санде <...> и именно: я напишу личные воспоминания <...>» (Там же. С. 114). О причинах, побудивших Тургенева отказаться от своего замысла, см.: *Генералова Н. П.* Эпизод творческих отношений Тургенева и Золя 1876 года (Неосуществленный замысел статьи Тургенева о Жорж Санд) // *Спасский вестник*. 1997. Вып. 4. С. 111–121.

⁵³ *ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 123–124. Письмо от 15 (27) июня 1876 г.

⁵⁴ *Золя*. Т. 25. С. 749.

⁵⁵ Там же. С. 714.

⁵⁶ *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 192.

народа не со стороны, с точки зрения путешественника, охотника и т. д., а изнутри. Эта историко-культурная ситуация совпала с раздумьями Тургенева над натурализмом и последними произведениями Золя.

В «Нови» Тургенев вышел к новому топосу — изображению фабрики, вернее двух фабрик — Соломина и Калломейцева. Это, казалось бы, расширяло привычную сферу его изображения и сближало с Золя. Но описание «небрежности, грязи, копоты», а также мелкие детали царящего беспорядка («...там стекло в окне разбито, там облупилась штукатурка, доски вывалились, зевает настежь растворенная дверь; большая лужа, черная, с радужным отливом гнили, стоит посреди главного двора <...>»⁵⁷) не имеют никакого отношения к характеристике людей, на них работающих. Если для Золя понятие «среды», детерминирующей личность, включало как обстоятельства жизни, труда, воспитания, так и генетическую обусловленность, то Тургеневу было чуждо натуралистическое изображение человека.

Таким образом, Тургенев принимал и приветствовал в натурализме те черты, которые сближали его с русской натуральной школой и были связаны с точным наблюдением и правдивым воспроизведением действительности, в том числе обстоятельным описанием социального существования человека. Вместе с тем в позитивистской критике он ценил смелость, сочетание широкого историко-культурного контекста и скрупулезного анализа фактов, что во многих случаях обеспечивало ее масштабность, остроту и объективность.

Негативное отношение к главным принципам нового направления не мешало Тургеневу уважать и ценить его основных представителей за талант, работоспособность и помогать им своим посредничеством на протяжении всей жизни.

⁵⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 223.